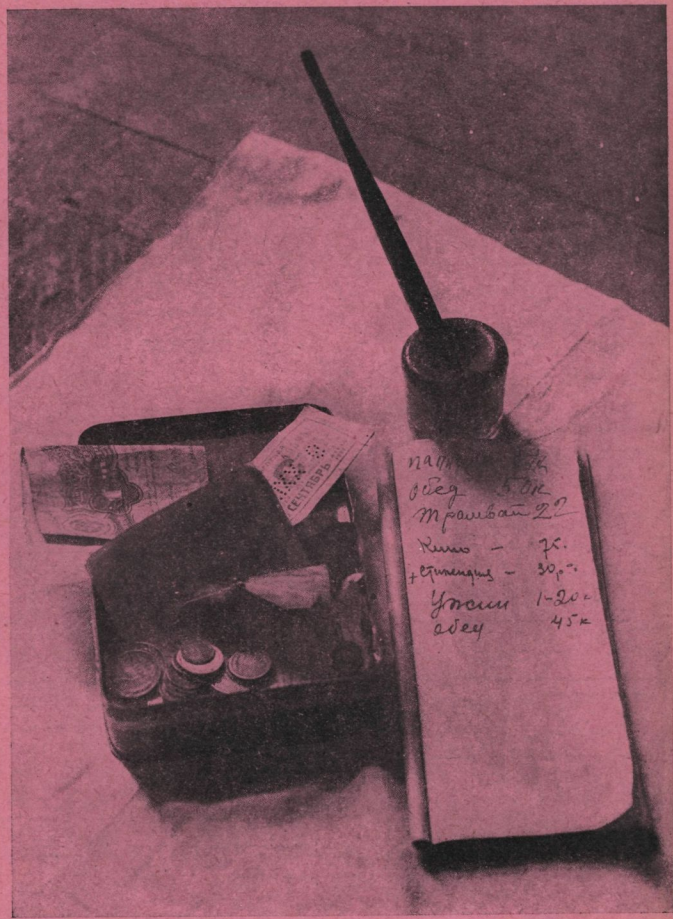

СМЕНА

ЦЕНА 10 КОП.

XX 101
T

нач...
всег 50к
Трамвай 2?
Кино - 75.
+ еттингер - 30.-
Ужин 1-200
всег 45к

19

1929

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ГДЕ ВЪД?

МНОГО неустройства в нашей жизни. Карта, конечно верно держит еще человека в своих руках. «Сказка жизни», неумяе правильно построит, свои бюджет—еще часто выхватывает из кошелька нашу молодость. Она ищет выхода из тупика, ищет путей построения нового быта, ищет ответа на вопросы «своей жизни». И, не найдя ответа на эти вопросы в коллективе, решает их по-своему, по своему «вразумению».

КОММУНА МОЛОДЕЖИ

Г. «... Комсомолец Парфенов работал два с половиной года нагреланным болтов. Ошибкой он пришел в коллектив и попросил неслиди до его перемены в бою или такую работу, где возможно получить квалификация. В коллективе пообещали, сказали, что будут иметь на примете и велели зайти еще раз. Зашел Парфенов еще раз, но ответа не получил. Неделю зайти еще никак-нибудь. Стал ходить чаще, пока не объявил и не сказали, что ничего не выйдет. Парфенов после этого вторые недели, постоянно находясь в компании с юными-то грузинами и вступая в них коммунист. Он стал пить чаще и чаще, спускал мать, и даже кто с ним творит незалежные, пришла в явную просить о помощи, чтобы поддержать ее сына. Парфенов вылезал на борьбу людей, узнали допрос и записки выговор. Вскоре—второй выговор. В хеде над Парфеновым стали издеваться, как над пьянчужкой, переманчивали, прощадкой. Не выдержала Парфенов заплаканных глаз матери, подковыривали товарищей, названного отношения коллектива и себе и 18 августа 1927 г. выдворили из дома второго этана.

Николай Семенов, кавказский, был одиозно, неуемно расхвату зарплатой, не вылезал из груди и мясы. Влез в долги. Занят от своей неустройства жизни. Об этом через некоторое время узнало бюро. Вызвали. Занятия выговор. Потом—второй, третий.

— Вы меня со дня спасите, а не выговоры дадите,—кричал Семенов на бюро. Там не жалелись, сам сбавил, а Бухе देने пить—исключил,—отвечали ему. Его

исключили. 23 октября 1927 г. Семенов повесился.

Безде—работчик браковщик. Воевал против брака-работы. На протяжении своей жизни был избран агитпропом всего коллектива, рабоче его носили в Ленинградский совет, он готовился в вуз. Был трудовым, инициатором Гаража. Осенью 1927 г. Семенов на третий курс Политехнического института. Ста учиться. В коллективе начали издеваться—студентским став. Работы в коллективе никакой не дали, отшатнулись, стали относиться как и чужому, стали даже третировать. С таким отношением и человеку расквалановали. Батин в своей книжке «Ячейка в борьбе за о о и в и б м т» («Трибуна», 1929, 85 стр., п. 20 к.). Не действительно ли у нас существует только один путь решения «проблемных вопросов»—уход из жизни. Конечно, нет. Есть другие пути устройства нашей безалаберной жизни и, надо принимать, наиболее целесообразный из них—коллективизация быта. В книжке «К о м м у н а и м о л о д е ж и» («Молодая Гвардия», 1929, 30 стр., п. 45 к.) рассматривается четырехлетний опыт одной московской коммуны.

Коммуна сумела победить капитализм и организовать смету расходов на расходы, сложившейся веренлет «проблемных вопросов», сумела коммуны сделать семей, полностью организовав жизнь своих членов. Мы же будем рассквалановывать подробно, как этого добилась коммуна. Интересно видеть этот вопрос может сам прочитать книжку. Мы же ограничимся небольшой отрывком, наиболее яркой рисующей сущность этой коммуны—обобщенные собственные отчеты.

Собрание коммуны общинно-председательная. Ребята! Кончайте. Начнем собрание. Первый вопрос о смете.

Председатель. Тати предоставляет слово «Федосеевичу».

— Вольно, начнем.

— По-моему, отчет за прошлый месяц сейчас-таки не стоит еще скоро десять, а я его вынесу на выданном месте, и ребята только высказку свои соображения. Но до сметы еще ахмаченко по отчету: на расходы—сложившийся, на что берет деньги по мелочам из кармашков. Он был у нас незанятым три с половиной, теперь, извездство, по какой-то Везд, из-за простой халатности срываем хорошо составленную смету и нарушаем план. А теперь смета: постоянный доход—43 руб., расход—491 р. Таким образом, получается дефицит в 38 руб. Вот и вся смета. Татиюша, ставь на обсуждение.

Да, значит, обсуждем. По смете самые необходимые расходы надо превратить над «доходной» частью в 38 руб. Так что же, будем сокращать смету и найдемся средства для покрытия дефицита? Кто хочет высказаться?

Дей мее, Татиюша. По-моему, смета составлена в образ. На этот месяц сущности довольно точно вычислили потребности ребят по всем статьям, и в сметы сособи внесено только безусловное необходимое. И нам у учебную надо бы дене прибавить немного. Ведь, опять план, члены вносили только за прошлые месяцы, да по одному ахмачу надо платить 17 рублей. А неопределенно учебные пособия и так мало остаются, а выписка «Большевника» и «Торгов-Промышленной Газеты» совершенно не предусмотрена. По-моему, надо урезать питание, там самая большая сумма.

— Ну, нет. Я с Андреевской не согласен. По-моему, 70 копеек в день на человека—это уже и так немного, а если еще сокращать... да во время зачета—ребята не таскают не будут. Культурники у нас так и увлекутся в руки вонюхого. Предлагаю не сокращать сметы, а подработать для покрытия дефицита. Если уже никак не удастся достать издаловкой работы—можно обратиться к покупке по большой ссуде и по хозяйственной. Только не возвращаться к тому времени, когда за счет обломов капитализма мы жили. Это, Андрей, больше всего и тебе относится.

Ребята, мне примусе тебе себя совершенно неприлично: 20 часа тратея чаше и чад на всю коммуны. Примусе надо изжить как можно скорее, а то и стирать ногами. А в «проблемах» по большой ссуде—Куртия Миши. Надо не, наконец, ее изжить. На чулки можно пока сократить—это даст 8 руб... И тогда считано, что можно подработать, но смету выписывать обязательно.

— Ну, я начинаю повторяться. Есть у кого что-нибудь новое? Тогда давайте голосовать. Итусей,—повторяется председатель,—ты там в уютку слышай, что-нибудь?

— Конечно, слышу,—поднимаются глаза от занюханной рот разговорной лгити рыночного носеня,—и я думаю, что работ смогу достать, диаграммы рублей на 30—35 м. Тати, выслуши, на что ребят сметит работать на твой идеале, и тогда и вольно.

— Значит, и головую. Кто против сокращения сметы с тем, чтобы жить халтурой и понапрасну тратить? Одиоз, два, восемь—большинство.

Так, на твой идеале все, кто смогут, будут чертить, а хозяйственное руководство будет осуществлять Валя. Принято. Единственно, переходим к следующему вопросу...

У нас много спорит о том, что будет в коммунистическом обществе. Здесь уже установился известный штамп: «новый коммуны не... Однако, опираетесь коммуны вопрос не решенный. Нужно воспитать нового человека. Нужно победить «великую власть вещей». Именно, общинно-интересное у нас опыта этой работы и посещения обе указанные нами книги. Правда, написан на них указывающий свои пути. Но это не умлет, а увличивает их ценность. Изменил лужично прочитать.

А. Палевый

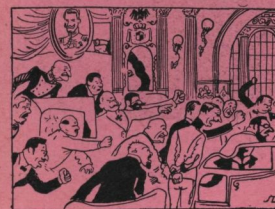
М. Вольский

КОММУНАЛЬНАЯ ЯЧЕЙКА В БОРЬБЕ ЗА НОВЫЙ БЫТ

№ 191-192

ПОПРОБУЙ И ТЫ!

Под ред. С. Глязера

№ 29. Кто-то разоблачил министр?

В германском рейхстаге в 1914 г. произошли громадные скандалы. Один из них разоблачил чудовищное головоустройство как сообщают газеты того времени против всего рейхстага. Бурижуальные и социал-демократические газеты называли его предельным роком на то, что сего года война никому не была, кроме крупнейших капиталистов Германии.

Можете вы себе представить, какой скандал и шум поднялся в рейхстаге против твоего верного определения сущности войны?

Выберите из этого зала заседания рейхстага пять частей, чтобы по ним было составлен портрет того, кто разоблачил министр.

№ 30. Загадки-шутки

1. Какой предлог с сотней одинаковых букв становится явлением, предидущим производству и удорожанию собственной продукции? Л. Шохор (Москва)

2. Какая лямка, получив букву, становится ледячком производства, обычно являющимся результатом незначительного отношения к работе?

Автором по 1 очку Смирнов (Ленинград)

№ 31. Шарада

Без слога первого станет лесозавод. В слоге втором справедливости не нет.

Слог третий—булька соглашения, а шарада Бильярдной инструментом являясь, четвертым слогом его ноюция.

Целое в стране своей—Наполеон. На рабочий класс точит зубы оно.

К. А.

Товарищи-читатели! Начинаясь серия следующие: 1. Культура и быт. 2. Учиться, учиться и еще раз учиться. 3. Готовясь и жизни физкультур. На эти темы идем от нас вперед, загадок, головоломок.

В НАСТУПЛЕНИЕ!

НА ГЛАЗАХ у всего мира, на месте старой России растет новая страна — родина социализма, с мощной индустрией, с сознательным дисциплинированным трудом.

Побеги нового мы видим на каждом шагу, мы физически ощущаем стремительность движения вперед к коммунистическому обществу.

Но не во все области нашей жизни одинаково глубоко проникла революция, не везде еще до камешка разметано старое, не везде с одинаковой быстротой идет стройка нового.

Одним из таких отстающих участков в общей линии социалистического наступления является наш быт. Здесь все еще царит индивидуальщина, господствуют собственнические настроения, здесь люди до сих пор не стяхнули с себя «власти вещей».

Но и на этом участке начался социалистический штурм; в твердых старой, тысячелетиями складывавшейся психологии человека — мелкого собственника — пробита основательная брешь.

Эту брешь пробили бытовые коммуны молодежи. Их пока еще немного. Они объединяют одиночек. Но коммуны эти уже имеют богатый организационно-воспитательный опыт; они сумели воспитать и воспитывают нового человека, чуждого мелкособственнической идеологии, шкурным, рваческим настроениям, — человека не знающего и не признающего слово «мое».

Бытовые коммуны есть в Москве, в Днепрпетровске, в Брянске, в Сибири и на Урале. Но каждая коммуна работает за свой «риск и страх», успехи достигаются ценою тяжелых ошибок и поражений.

И все-таки... количество коммун стихийно растет и растет этот, надо иметь мужество признаться, проходит мимо комсомола.

Наша задача обобщить опыт отдельных бытовых коммун, ввести их деятельность в организованное русло, на конкретном примере показать как можно и нужно организовать новый быт молодежи.

К выполнению этой задачи мы подходим вплотную. В декабре ЦК ВЛКСМ созывает Всесоюзный съезд бытовых коммун, который должен будет явиться смотром наших достижений в борьбе за нового чело-

века, который опыт одиночек сделает достоянием широких масс молодежи. Мы же в этом номере журнала расскажем о том, как организовались, как живут и работают московские бытовые коммуны, с какими трудностями они столкнулись и как их преодолели.

Мы надеемся, что многие ячейки найдут в печатаемых ниже очерках не мало полезных для себя сведений.

Хлеб для всей коммуны.

Первая семейная комната в коммуне.

В ДУБРОВСКОМ поселке, вверх трестовского корпуса, весело, как скворцы весной, обосновались ребята-коммунары. Все они в возрасте, приблизительно, от 19 до 22 лет, все рабочие завода АМО.

— Как вам пришла мысль основать бытовую коммуны?

— Просто пришла! Жили в прошлом году на коллективной даче. Привыкли друг к другу. Подружились. Решили — насчет коммуны. Стали хлопотать... Трест дал нам в своем доме квартиру.

Закладывать коммуны пришлось на голом месте. У ребят не было, что называется, «сина пороха».

Помогла «Взаимопомощь», давшая ребятам кредит «на первое обзаведение». Были куплены кровати, матрасы, столы, стулья, посуда. Коммуна задыхалась. Докладчица, нанятая по всем правилам кодекса законов о труде, обещанная правами равного члена коммуны, торжественно утвердилась возле плиты.

— Сначала мы вносили 40% получаемого нами заработка, — рассказывают коммунары. — Этого оказалось мало, так как у коммуны были значительные расходы по погашению долга «Взаимопомощи», пришлось платить за квартиру, освещение, провозку.

В острый финансовый момент ребята столкнулись со своей первой проблемой.

ЗЕЛЕННЫЕ ПОБЕГИ

Очерк А. МАР

Один из коммунаров, рабочий АМО одновременно слушатель МВТУ, «грызущий гранит» в комнате для общих занятий, внезапно сложил книжку и сказал:

— Срежусь, братишки! Не выдержат мне зачетов!

— По какому праву? Нет тебе на то согласия коллектива!

— Смейтесь! Зачеты трудные! И на заводе работа... Где тут как следует подготовиться!

— Отпуск без содержания возьми и готовься.

— А жрать как?

Было созвано общее собрание, на котором поставлен был принципиальный вопрос:

— Надо иль не надо помочь товарищу, попавшему в трудное положение?

— Надо! Даже непременно надо! Пусть «грызет гранит»... Прокормим.

— Тогда нехватит, ребята, 40%. И так концов не сводим!

— Нехватает 40%, будем вносить 60%!

С этого момента стали вносить 60%.

Парень подготовился, сдал зачеты, снова начал работать на заводе.

Встал другой вопрос.

Деньги, остающиеся на руках у ребят, тратились крайне непроизводительно. Они уходили чорт знает куда в первые после полудня дни. Остальные 10—12 дней жили займами, перехватывая у товарищей гривенник на трамвай и пятялтынный на папиросы.

— Так, ребята, не годится! Нужна дисциплина!

— Нужна!

— Предлагаю перейти на 100%.

Отдать все было трудно. Много нашлось возражений.

Собственность!... Понятие это привито тысячелетиями. Эти тысячелетия и бушевали теперь в груди. Трудно было понять и согласиться...

Как это зарабатывать и не иметь денег? Как это обная касса? Как это распорядятся кассой все и никто?

Но старое было побеждено, хоть не легка была победа.

Стали вносить 100%. Сразу стало легче.

Теперь всем распорядятся безликий и многоликий товарищ-коллектив. Он выдает ребятам деньги на обед, так как коммунары обоедают не дома, а в заводской столовой (дома только чай и ужин). Он закупает трамвайные билеты, табак, расплачивается по мелководному кредиту, выписывает газеты, отчисляет суммы на баню и на кино.

Молодой коммуне сейчас трудно. Приходится зашивать старые прорехи, так как многие из товарищей в момент перехода на 100% имели долги в 10—15 рублей. Погашает эти долги коллектив.

— Сейчас из всех долгов выбираемся! — с гордостью говорят коммунары. И из индивидуальных и из долга «Взаимопомощи». Выплатим до рублика — станем легче.

Коммуна «началась» с 10 человек. Сейчас их тоже 10. Трое выбыло и трое пришло.

Почему выбыло?

От одной коммуны решила освободиться сама.

Есть, видите ли, люди, которые с готовностью берут от коммуны все, что она им может дать. Когда же доходит до расплаты, начинаются всякого рода увильвания:

— Да у меня был вычет. Я в эту полку всего 40 рублей получила.

— Почему был вычет?

— А я там брала...

— Ты не имела права брать без разрешения коммуны.

Но ребята простили бы расчетливой девичье уплывающие рубли. Но фальши, вильяны, ежедневной лжи, в конце-концов начавшей нервировать ребят, они ей не простили.

Разлука была без печали.

Другую хитростью увела домой мать. Все ходила угрюмая старуха. Все дудела в уши коммунарам:

Мокриская коммуна в полном составе.

— Да как это? Да что это такое? Да кто это разрешил? Где это видано, чтобы молодые девки с чужими парнями в одной квартире жили?

— А чего мы дурное делаем?— защищалась дочь.— А ну, скажи, что?

— Хотя и нет ничего дурного, а люди говорят... Твоя, говорят, дочь в коммуны живет. Какой, говорят, приличный жених ее после этого возьмет за себя...

— Фу, ты мне твои женихи! Помыла! Не помогали залузить!— старуха переходила к упрекам:

— Так-то вот! Вырастила дочку! А она, чем бы матери помочь, пых-пых и была такова. А мать, как хочешь, бедуй с малышами ребятами...

Однажды пришла в коммуны:

— Дочь тут у вас велела вещички ее взять! Выходит из коммуны! Будет!..

Ребята удивились, но вещи отдали. А через несколько времени прибегает сама девочка:

— Ребята!.. Зачем вы... Ничего я ей не говорила!..

Села и заплакала.

— Плюнь! Оставайся!— утешали ребята.— Не ходи больше домой...

Но связь с семьей была еще довольно крепка. Порвать сразу было трудно:

— Одна она там, мать. И ребята— мал-мала меньше!..

Так и ушла...

Вообще с вопросами семьи и брака ребятам пришлось столкнуться вплотную.

— Прощайте, ребята милые... Выписывайтесь из коммуны.

— Ты? Почему так?..

— Так вышло... Замуж выхожу...

— А разве это причина, чтобы порвать с коммуной?..

Были долгие минуты. Молчала и все водила пальцем по синей клеенке коммунарского стола.

— Так как же? А?

— Я бы, ребята, с радостью... Он не хочет. Хочет, чтобы все было по-семейному...

— Примус, значит, заводите?! Ну, что же с тобой делать? Или...

Но вот мужчина-коммунар не хотел спастись без боя. Не хотел он «примуса», не хотел обрести и все думал о семье, построенной на новых началах. И признание в любви сделал он не предмету своей страсти, а... общему собранию коммунаров.

— Жениться хочу, ребята. Но убеждения мои—прежде. Как был я коммунар, так я и теперь коммунар.

Экстренно было созвано пленарное заседание коммуны. Его никто не стенографировал. Но стенограммы оно заслужило больше, чем сотня увеселительных и развлекательных бюрократических заседаний. На повестку дня стоял лишь один вопрос, но зато какой:

— Должен или не должен брак служить препятствием к пребыванию в коммуны...

Принципиально разногласий не было.

— Не должен! Ни в коем случае!

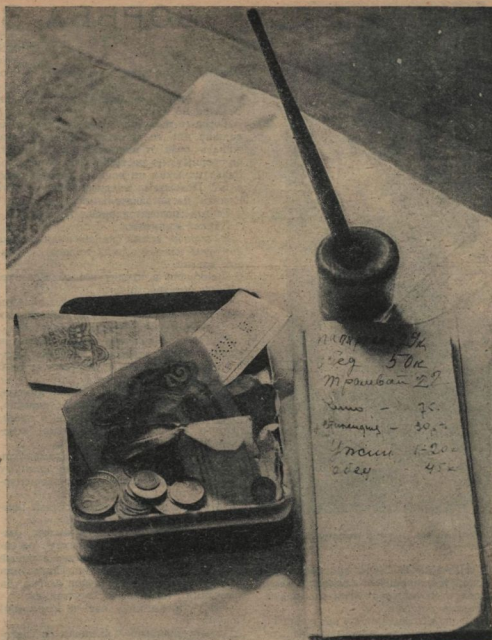
— А она, твоя невеста, как к этому отнесется?

— Она знает, что я живу в коммуны. Она одних со мной убеждений.

— Так пусть же она входит в коммуны на равных со всеми правах.

Дело удивлялось. Оставалось практически решить вопрос: где жить молодоженам?

Роль благого провидения, обязательного для старых романов, сыграли девчата-коммунары.

Коммунальная «касса».

— Хорошо! Мы отгородим себе уголок в комнате для общих занятий, а молодожены пускай поселятся в нашей комнате.

Так решена была проблема брака внутри коммуны.

Тяготение к новым формам жизни среди молодежи громадно. Опыт коммуны Дубровского поселка заинтересовал очень многих. Со всех концов Союза поступают в коммуны письма. Ребята просят поделиться опытом, разрешить ряд сомнений, дать совет. Письма эти обсуждаются тоже на общем собрании. Пишется коллективный ответ.

Ребята работают в разных сменах.

— Для нас большая радость,— говорят они,— когда удается собраться всем вместе!

Тогда стол накрывается не в кухне, как всегда, а в комнате для общих занятий. И ужин тогда длится дольше обычного.

Коммуна явно опережает. Она уже имеет свой капитал больше 1300 рублей, состоящих из облигаций займа индустриализации.

Коммуна не только не думает свертываться, наоборот, находится на пути к дальнейшему расширению.

Из коммуны заводского порядка мы превращаемся в коммуны районную. Набор новых членов будет происходить через районную ячейку и комитет ВЛКСМ.

Первые бытовые коммуны—первые зелены будущих нив.

Не мало ливней и гроз, быть может, отшумит над ними. Но зелены сменки и—силны. Они выдержат.

Сколько Вы
отчислили
на самолет
«Молодая
Гвардия»?

(См. III стр. обложки)

БОРЬБА ЗА КОММУНУ

Очерк М. АНДР

Ему не по пути с коммуной.

В ДАНГАУЭРОВСКОЙ слободке, далекой, пригнувшейся к земле деревом домишек, заветили свои огни громадные трестовские корпуса.

На заводе «Котлоаппарат» нет женщин. Повзросту и коммуны молодежи—исключительно мужская.

Случайно поборолась ребята-одиночки, давно оторвавшиеся от родной семьи.

Много тут выхлеще из деревни, выброшенных в город в качестве лишних ртов, обосновавшихся здесь, выварившихся в фабричном котле.

Коммуна молода. Основана она в начале этого года. Но коммуне пришлось уже пережить не мало потрясений.

Из этих потрясений она выходит теперь с закладным ядром, которое не могут пошевеливать никакие «проталкивающие» вопльсы.

Но победа далась ей не даром. — С самого начала мы сделали ошибку,— признаются ребята.— И в эту свою ошибку мы сильно попались!

На ошибку эту коммуна шла с открытыми глазами:

— Мы думали, что это трудно. Но мы не знали еще, что это невозможно.

Созвательная ошибка коммуны заключалась в том, что в состав ее приняты были два весьма сомнительных парня. Один, с хулиганским уклоном, яхсался с темной компанией воров-рецидивистов, проституток, картежников и иной слободской ешпаньи. Другой—просто дебошир и пьяница, подвиги которого гремели по всей Дангауэровке.

Парни были тихи, как овечки, и прошили:

— Ну что же, ребята! С кем не бывает! Больше не будем!..

Тогда-то и встал во весь рост вопрос: должна или не должна коммуна огораживать себя от элементов, быть может, не сродных, но доступных исправлению? Разве коммуна не должна перевоспитывать? Повышать квалификацию ребят? Влиять на несознательных?

Ребята посоветовались. Подумали. Парней приняли.

В первое время налаженная жизнь коммуны катилась, как колесо по ровной дороге.

Приобрели в кредит все оборудование, наняли домработницу.

Утром спешно глотали чай с хлебом и маслом, а в случаях исключительных даже с колбасой, и бежали на завод.

Работали в одной смене. Обедали явдом в одной заводской столовой. Прих дили домой тоже в одно время—в 5—6 часов.

Ужин проходил весело. Вилки и ножи, взятые по кредиту, работали отчетливо. Котлеты с картошкой, компоты и каши, которые стрепала домработница, исчезали быстро.

После ужина или шли куда-нибудь «стайкой» или приходили в коммуны товарищи-комсомольцы и девчата-комсомолки.

Но скоро разнородность состава коммуны дала себя чувствовать.

Двое парней, которым, видимо, надоела «скудная» жизнь коммуны, не замедлили образовать «дружественный союз» и начали наступление. Приходили в коммуны выпивши, сначала слезли, на замечания товарищей отгрызались:

— Ну и выпили, вас не спросили! Подумаешь!..

Потом начался выпивка с дебошами.

Когда коммуна всем составом поехала в воскресный день на экскурсию, парни устроили в пустой квартире грандиозную пьянку с битьем посуды, пляской, глком и присвистом. Матерщина сыпалась, как из пулемета...

Но все-таки коммуна упорствовала.

Парня сделали выговор, но у общего собрания не было на этот раз общего мнения.

Одни говорили: — Исключить из коммуны.

... Хорошо освежает утром острая бритва...

Другие сомневались:

— Быть может, мы не умеем? Не нашли нужного подхода? Обратимся в ячейку ВЛКСМ. Быть может, повлияет она?

В пивных и трактирах деньги уходят быстро. Парни перестали делать в коммуны взносы.

— Почему не платите?

— Денег нет! Погоди до следующей получки.

Но и в следующую получку парни не донесли денег до коммуны.

К двум присоединился третий неустойчивый элемент.

Коммуне из 10 человек кормить трех дармоедов было тяжело.

По углам поползли тихие разговорчики, подыравющие уже самую сущность коммуны.

— Жину! За койку плачу! За стол плачу! Никому нет никакого дела до моего поведения. Сам я себе хозяин!

Но остальные смеяло ребят были, как спящие. Не подкапешья.

— Нет, повольо,—возражали они.— Для объективности это, быть может, и верно. Но у нас не объективнее! У нас коммуны Организация, спаянная одной идеей. Мы, пионеры строительства бытовых коммуны, должны служить примером...

Здоровое начало, в конце-концов, победило.

Было достигнуто единое мнение и по отношению к деуэтарам:

— Ничего с ними не поделаешь! Исключить из коммуны! Выселить из коммуны. Вызвать причитающиеся с них коммуны деньги!

Теперь коммуна в Дангауэровке в периоде реорганизации. Через райячейку ВЛКСМ идет новый набор членов, так как, помимо удалившихся насильственным путем, трое выбывают, как привязники.

Опыт мирного вращаия несродных элементов в коммунизм провалился.

— Кандидатов у нас много,—говорят коммунары.—Но мы очень строго осуждаем каждую кандидатуру, так как не хотим повторения только что проделанного опыта.

Реорганизуется и финансовая часть:

— Мы делали взносы по 60% и по 40%, так как ребята наши, что 60%—много. Но мы пришли к убеждению, что самое лучшее—это переход на стопроцентный взнос. Пусть деньги распределяются коллективно.

Общими усилиями будет найден наилучший и наимыгоднейший способ расходования денег. Так мы сумеем не только прокормить и одеться, но и отделить значительные суммы на культурные нужды.

Обслуживание ребят культурной коммуны ставят в число первых задач.

Большинство наших неполадок происходит оттого, что культурный уровень ребят низок!

Все оставшиеся ребята-коммунары где-нибудь да учают: на рабфактах, общеобразовательных курсах, в вечерних университетях и пр. Помещение у коммунаров хороше: светлее, теплее и сдержаннее в чистоте.

ЖИЗНЬ ДЕСЯТИ

Очерк А. РЕВИНА

ИХ—ДЕСЯТЬ.

Десять человек молодых рабочих завода им. Владимира Ильича, которые несколько лет тому назад организовали коммуну молодежи. Трудные были первые дни жизни коммунаров сообща. С какой-то огульной горечью рассказывают сейчас об этом прошлом коммунары. — В те дни мы были первыми застрельщиками нового быта. На нашу долю достались все невгоды организации коллективного быта. Первое время не было мебели, не было посуды, грязные, ободранные стены помещения внушали брезгливое отношение к коммуне. Многим казалось, что коммуна не переживет этих беспросветных, безрадостных дней...

Но... но оказалось, что энергия коммунаров пробита эту каменную стену невзгод и лишений.

Не было мебели, — обратились в заводоуправление. Обшарили все чердаки и кладовые завода. С трудом разыскали хромые столы, кровати на трех ножках — починили их и... мебель была готова.

Не было денег для оклейки помещения, и коммунары стали малярами. Развели мел, клеювую краску, достали кисти — обелили стены, и коммуна приняла светлый, радостный вид.

Выработали коммунары план внутреннего распорядка, составили бюджет коммуны. С каждого по 30 р. в месяц и зимой по 3 руб. на дрова. Распределили между собой дежурства, завели дневник, и жизнь потекла широкой рекой.

В семь часов вставали. Убирали постели, занимались физкультурой, завтракали и на работу. В обеденный перерыв собирались в коммуне — обелили, проводили беседы, изредка устраивали небольшие любительские концерты и снова на завод. По окончании работы коммунары вместе шли на собрания, вместе затягивали «Проводы», вместе изучали истпат, диалектику, занимались иностранными языками, пока стрелки часов не показывали начало отдыха и сна.

Так, в течение целого ряда месяцев длинной нитью тянулась жизнь коммунаров.

Товарищеская спайка, культурная организация досуга, светлые, опрятные комнаты делали жизнь бодрой и радостной. И вдруг... один из участников коммуны Остапенко растратил чехреста рублей общественных денег. Растратил, а на следующий день сам же рассказал об этой растрате, о попойках, происходивших в квартирах его товарищей, сознавшись во всех своих проступках.

Хозяйственные дела коммуны покатились под гору.

Было созвано экстренное собрание. — Как быть с Остапенко? Как поправить хозяйственное положение коммуны? Откуда взять средства на прожитие? — вот узяк и в то же время широкий перечень вопросов, повестка дня собрания коммунаров.

Разные мнения были на этот счет. — Исключить Остапенко из коммуны. Взять в заводоуправлении займы денег, необходимые нам для жизни, — говорили одни.

— Это было бы некудышное разрешение вопроса, — возражали им другие. —

Надо не исключать, а воспитывать. Надо не брать взаимки, а зарабатывать самим...

А в результате, после долгих споров, решили: «Выписка из протокола № 17: Остапенко в коммуне оставив».

В течение одной недели проводить ежедневно субботники, все средства с которых должны пойти в общий фонд коммуны.

Председатель Головачев. На собрании приняли это решение.

А на следующий день все десять человек коммунаров, в том числе и Остапенко, отправились его выполнять. Полную неделю целыми вечерами коммуна разбирала лом, грузила камни, убирала заводской двор, поддерживая нормальную жизнь коммунаров. Постепенно поправляя свои хозяйственные дела, коммунары все тесней и тесней сходились друг с другом, образуя крепкий, неразрывный коллектив.

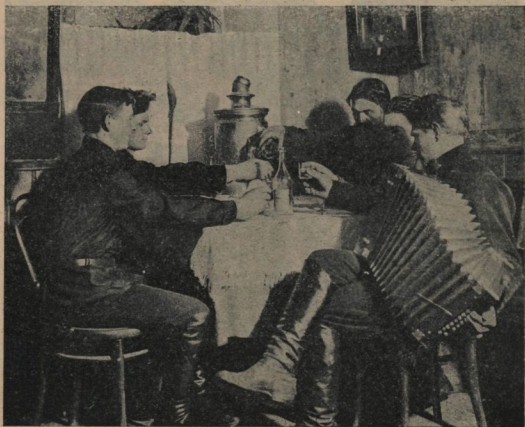
Сейчас — это уже пройденный этап жизни коммуны. Сейчас коммуна стоит на твердых ногах. Сейчас коммунары думают о расширении коммуны, мощным кистом которой должна быть вся предыдущая жизнь десяти коммунаров, со всеми ее радостями и невгодами.

...По окончании работы коммунары вместе занимались.

...Целую неделю коммуна разбирала, грузила камни, убирала заводской двор...

...А на следующий день сам же рассказал об этом.

ФАБРИКИ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Очерк Э. ГАРД

Фото В. УСОВА

ОДНАЖДЫ студент Гегидзе в общежитии убил свою жену. Он зарезал ее спиной. И потом всю ночь кутил в нижнем этаже общежития, в компании студентов, предлагая тосты:

— «За святую кровавую ревность!»

Это было в 1907 г. в Москве.

А общежитие, где произошло убийство, помещалось на М. Пироговской улице, около Новолесничьего монастыря...

Через 20 лет в другом общежитии Москвы, на Старомонетном переулке, жил вузовец Коренков. Он тоже убил свою жену, довелея ее до самоубийства. И потом ограбил кассу Горной академии и убил кассира.

Дело Коренкова сохранилось в памяти, как «коренковщина».

Гегидзе—студент «белоподклад ч.лик» и Коренков—советский вузовец на гос-

спитениии, обедающий в столовке, вкуртке с валплатанными локтями, сын московской окраины...

Что, казалось бы, между этими двумя общег?

Но «коренковщина»—это не случайность, связанная с той или другой антиобщественной фигурой. Это—бытовое явление, накипь быта, отражение в зеркале современности мнущийся эпохи. Господа Гегидзе оставили нам своих наследников—Коренковых и Алтышуллеров.

Со времени «коренковщины» утелело не мало воды. Студентство наше выросло. Но в быту общежитий еще и до сего дня сохранились остатки прошлого.

В темных коридорах общежитий идет игра в карты, пьянство, бьются драки и скандалы, ссоры из-за женщин. И в тупичках этих коридоров, между словами об общественности и химическими формулами, бывает, прозвучат оставленные здесь господами Гегидзе слова:

— «Ревность... «моя»...

«Коренковщина» всколыхнула нашу молодежь. Казалось, только после этого процесса студентство решило пересмотреть свой быт, очистить его, проветрить старые коридоры общежитий.

И вот то там, то здесь начали возникать внутри общежитий, среди моря уащхся, небольшие островки—коллективы и коммуны.

Один из первых студенческих бытовых коллективов организовался при общежитии Московской горной академии. Тот самый, где когда-то вузовец Коренков проводил в жизнь заветы студента Гегидзе.

В декабре прошлого года группа студентов, во главе с тов. Ильей Залкиндом, подняла вопрос об организации внутри общежития «бытового коллектива».

Записалось 7 человек.

Из 300 это не так много. Но, видимо, эта семерка вердела в свое дело. Она не испугалась своей малочисленности и не остановилась в нерешительности.

А через месяц в коллективе было уже 27 человек. Прошло 10 месяцев—и их уже 70.

Коллектив—в кухне.

В подвале, между огромной плитой, похожей на эстраду кинотеатра, и ведром с очистками от огурцов и картошки, и растет эта бытовая ячейка.

Здесь стоит стол, покрытый клеенкой. За ним обедают, пьют чай, собирают собрания, занимаются, читают и беседуют. На стене—устав коллектива.

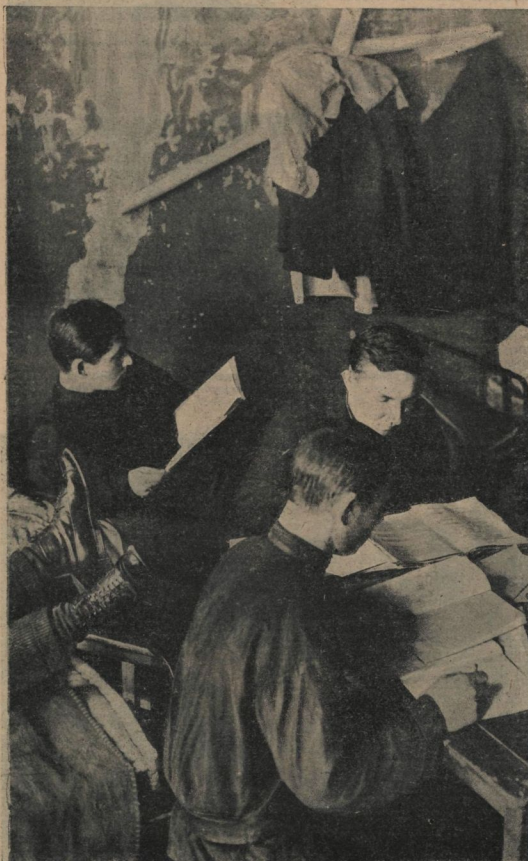
Изжитие старых буржуазно-мещанских приваичек в быту, выработка новых культурных навыков и организация быта на началах коллективизации, пропаганда нового быта, выработка умения научно организовать свой труд—программа не малая!

А за всеми этими сильными и пышными словами идет, в сущности, мелкая, будничная, но тем и особенно ценная борьба за новый быт. Отвоевывается каждая черточка, каждая крохотная мелочь.

Коллектив—это переходная ступень к коммуне.

В «бытовом коллективе» этого общежития слово «мое» еще не забыто, не вычеркнуто из обихода.

— Наш обед!

Два года тому назад в Старомонетном переулке, в общежитии...

Но—мое пальто, мой пай, моя книга. Члены коллектива вносят ежемесячный пай, в зависимости от получаемой стипендии. Стипендии, ведь, разные,—от 35 руб. и до 150 руб.

Получающие 35 руб. вносят 25 руб. Получающие 100—50 руб. Все идет в общий котел,—на стол, библиотеку, театр, кино.

В коллектив входят и семейные товарищи, с женами и детьми. Женщин всего 5, в Горной академии вообще мало студентов. Но интересно, что из 70 человек—65 членов партии и комсомольцев.

Если не вглядываться в жизнь коллектива, подумаешь:

— Для чего люди стараются?

Ну, общий обед. Ну, компанией в кино ходят. Ну, борются с пьянкой и игрой в карты. Занимаются физкультурой по утрам, читают за одним столом, вон устав вывесили...

Не много!

Но если на беглый взгляд и не заметишь, всмотревшись, поговорив с товарищами, подышав немного воздухом этого коллектива,—видишь, как много уже сделано, какой огромный сдвиг намечается.

Занятия идут организованно. И досуг—самые сокращенные часы в жизни вузовца—организован. Каждая бытовая мелочь—соры, развлечения, спортивные занятия, хождение «в гости», в соседнее общежитие—все проходит под товарищеским контролем коллектива.

Идет Сея в гости к студенткам рабфака ин. Артема. И все знают, что он пил там чай с баранками, что Бега потерял улет-зварине, а Зина сыла на фильме «Старушка № 99»...

Уехавшие на каникулы или на практику пишут письма:

— «Дорогой коллектив!»

И все знают, что Захар, уехавший в Донбасс, болел свинкой и купил новые сапоги.

В одной из комнат живет 5 человек, 3 холостых и муж с женой.

И все знали, что муж часто ссорится с женой и грубо кричит на нее, раздражаясь, что она—одна женщина среди четырех мужчин.

Грубости этого мужа и ссоры с товарищами, соседями по койке, стали предметом обсуждения общего собрания коллектива. Эту пару переселили в другую комнату. И все успокоились...

Мелочи! Мелочи!

Вот эти самые мелочи, попадая в студенческую жизнь, и обивают вузовца с того пути, по которому он шагает к новой жизни. Много этих мелочей.

И 70 товарищей, дружно, сообща, смекая их с дороги.

Сейчас, когда 10-месячный опыт коллектива подготовил дорогу для коммуны, коллектив организывает коммуну. В нее войдут пока не больше 14—15 товарищей, готовых к новым формам общежития.

А пока коллектив растет за счет неорганизованного студенчества. Уже можно увеличить его до 150 человек.

А вот коммуна.

Мрачный старый дом на М. Пироговской был выстроен под общежитие еще лет 25 назад. И точно строили тюрьму. Сводчатые, темные коридоры похожи на глухие переулочки. И двери, двери—как одиночные камеры.

Как нужно было презирать человека, какин тупым, бездарным, убежденным человеконенавистником нужно было

быть, чтобы построить такой гроб под общежитие!

Сегодня — это общежитие I МГУ. И здесь вы находите 16 человек, спящих одной идеей, как цементом. Коммуна молодая—ей всего 6 месяцев.

8 мужчин и 8 девушек занимают 5 комнат. Четыре—жилые, одна рабочая. В общий котел каждый член коммуны вносит все деньги, которые получает. Из этой сумы—завтрак, ужин и чай, пальто, брюки, обувь, книги, трамвай, кино, почтовые марки, починка карманных часов, чернила, стирка белья и... мороженое.

Все общее.

Заходите в комнату. Не студенчески выглядит эта комната.

Чисто! Даже занавески на окнах. Даже губочка к постели покрыта чистой салфеточкой или полотенцем. И окурков на полу нет.

Даже кажется, что лампочка горит светлее. В этой комнате только спят. Хотите есть, заниматься, спорить—пожалуйте в рабочую комнату.

Эта рабочая комната добыта путем самоуплотнения. Здесь в часы ужина или чая вы можете встретиться всю коммуну.

Давид Халид мов, чернышка малышка болгарчак, в 1926 эмигрировал в СССР из Софии. Там у нее остались мать, сестры. А здесь она нашла новую семью. Емельян Трофимович Строчков, медик, тоже... эмигрировал, из Харькова.

И он-то и был первым членом коммуны.

Вон на нем—желтые ботиночки. Коммунальные! А сейчас коммуна готовится покупать зимнее пальто Давида. А тов. Андреяну нужна сорочка...

Слово «мое» понемногу забывается. А, ведь, на этом коронном слове строятся на Западе целые государства со своей пресловутой культурой—культурой собственности и человеконенавистничества...

Этот островок, где нет слова «мое», островок в огромном общежитии I МГУ, не только захватывается волной студенчества. Но, напротив, стоит каким-то маяком.

К нему присматриваются внимательно.

И уже поступают заявления: — И я хочу к вам! Желаящих много. Но...

Надо принимать осознанно. Одна ошибка, один человек—не способный жить в коллективе, подчинить ему все свое я—может, даже ненамеренно, развалить все, с таким трудом начатое дело.

В-т почему из каждых десяти желаящих к вам я вот с одного. Чулуает его долго, осматривают внимательно!

— А ну-ка, покажи, браток, каков ты есть человек!

Комната для занятий у коммунаров Тимирязевской академии.

За завтраком (Тимирязевская академия).

Каждый должен уметь готовить обедные.

Библиотека в коммуне.

Пекут блины для коммуны (I МГУ).

В 10 НА

Очерк

...А утром на столе...

ЕЩЕ ДНЕМ, на заводе, ребята собираются таинственными группами, говорят шепотом, осторожно озируются...

- Значит?
- Бул!
- С Манькой?
- Обязательно!

Человек неушаченный подумает: заговор! Или... шайка бандитов вырабатывает очередной оперативный план...

Человек же, знающий заводские нравы, только улыбнется нехорошей улыбкой:

— Будет сегодня вечерка...

А раз будет вечерка, будут: пьянка, гынная драка, скандал, а может быть, что-нибудь и похуже. Заводские «старожилы» знают не мало таких историй...

Между тем, личности, вся физиономия которых пропитана таинственностью, переходят от станка к станку, от парня к девушке, из цеха в цех и постепенно про-

грамма очередной вечерки принимает конкретные формы кодека, принятого подавляющим большинством голосов.

— По червяку с рыла! Дамы не платят!

— Многонько...

— Э, чего там. Зато выпивки будет...во!

— Итак, в 10 на Благуше! Знаешь?!

Рано засыпает Благуша—рабочая окраина. Но не все дома спят. Есть определенная категория домов, тех, что в МУУР'е записаны в особый список.

В них идет своя ночная жизнь. Здесь ютятся шинкари, за 3 рубля снабжающие своих клиентов разбалленной наполовину водкой. Сюда, из центра, приезжают с кавалерами проститутки. Здесь, обычно, устраивает вечеринки окрестная молодежь. Здесь по ночам—скандалы, драки, женский истеричный визг и... миллионские свистки.

Слабо светится домовый фонарь. Сильно сияющую лампу призрачно маят т. ц. ф. «12». И рано в 10 открывается калитка, чтобы пропустить первую пару...

Большая комната. Посредине стол, открытый белой скатертью. Полувазатная лампа, упрятанная в голубой абжур, льет мягкий свет. Чинно рассказываются последние пары на стульях и диванах.

И странным кажется видеть эти знакомые лица в чужом облике...

Вот девушка в шелковых чулках, шуршащем шелковом платье, с массивным ожерельем на шее. Кто бы в этой девушке, закованной в шелковую броню, узнал Катю Павлову, работницу пуговичной фабрики? Или ее кавалер—лаковые ботинки, яркокрасный галстук, серая тройка. Но знакомо лицо, знаком этот добродушный смехок, эта чуть-чуть заметная неуязвимость. Да, вель, это же Фелька Филатов—токарь с инструментального завода.

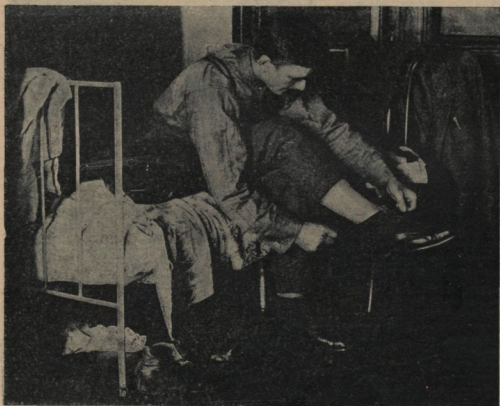
Но пока еще еще пришло время. Все эти двадцать человек намыскано вежливы, скромны и тихи. Дьявол, который прогнется часом-двумя позже, пока запрятан в темницу шелковых лифчиков, крахмальных воротничков и лаковых ботинок. Нужно сильнейшее средство, чтобы разбудить этого дьявола. И это средство приходит. Имя ему—алкоголь.

На полу, под столом, батарея пустых бутылок.

Красный как кумач Фелька Филатов грудью наваливается на свою соседку.

— Катя! Слушай, Катя! Ей-бо, люблю...

Рядом—Костя Чумин, грохнув по столу кулаком, орет:

За внешним лоском кроется грязь...

БЛАГУШЕ

В. ЗЫБИНА

— Я поэт, черт вас возьми! Чем я хуже Веснина? А?!

— А стихи есть?

— Стихи? Плевать я на ваши стихи хочу! Душой я поэт, поняли? Душой...

Из глаз Кости льются пьяные слезы.
Слезы, хохот, шум...

Но разум еще не пропит до конца.
Он еще борется. Утихомирится Федька.
Затих Костя. Высохли слезы на глазах у Кати.

— Ребятки,— кричит Гаия Никитина,— а когда же будем сниматься?

— Сейчас!

— Дашь фото!

Появляется доморощенный фотограф, с салфеткой на голове. Фигура его дает иррадный крик. Качает.

— Пожалуйста бриться, ребята! Все готово!

После «фотопередышки» все опять за столом. Растет на полу батарея пустых бутылок. И в точной пропорции с количеством выпитых градулов неудержимо растет «настроение» у ребят.

Федька уже только изрыгает ругательства. Костя...

Костя явился отправной причиной обычного конца. Встал перед Ванькой и высунув язык, он сосредоточенно смотрит на Ванькин лоб.

— Гм... гм...— бормочет Костя.

— Ты, собственно, чего?

— Я? Гм... В твоем лбе язык смотрю. Хороший у тебя лоб, медный, полиро...

Оплеуха не дала докончить Косте его речь...

А потом: слезы, визг, грохот падающей мебели и милицейские свистки. Утром—головная боль, прогулы; хлеб—на ужин и обед.

И опять таинственный шопот у станков. И опять косятся взрослые:

— Мало вам?! Новую вечерку затеали...

И опять в 10 хлопает калитка на Благущее. Действующие лица—те же. Но нет обычной развязности, нет шелковых доспехов и лакированных ботинок, нет сервированного стола. Сиротливой кажется на нем одинокая чернильница.

— Товарищи,—говорит Федька,— собрание по выработке устава комбинированной бытовой коммуны считаю открытым. По-старому жить—не вмоту...

— А как надо жить?

Встает Колька. Он сегодня мрачнее обычного. И, загибая пальцы на левой руке, выкладывает:

— Если бы не пьянка, да если бы товарищеская поддержка—каждый бы на нас мог: учиться—раз; работать с

— Натя! Слушай, Натя! Эй-бо, люблю...

полной нагрузкой—два; не мало хорошего сделать для производства—три...

Но Кольке не дают договорить.

— Ладно, помолчи! Без тебя знаешь—если бы да кабы, в саду бы выросли грибы и был бы не сад, а...

Федор на-за стола бубнит упрямо:

— Вы, ребята, все говорите вообще. И так все знаем, что по-старому жить нельзя—потому и собрался сегодня. Лучше выкладывайте по существу, конкретно, чтобы ясно было видно как надо жить по-новому, что для этого надо сделать.

— Ох, трудненько ст-ать.ть на этот вопрос!

— Трудненько, а надо.

— Слушай, ребята. Сдлаем так: сходим в Мокрянскую коммуну, посмотрим как ребята живут, обсудим с ними все

вопрос и решим. Честное слово—не пожалеем. Согласны?

— Единогласно!

Скоро...

Если...

Если уластоя ребята преодолеть препятствия, если хватит воли, если удастся победить притягательную силу вещей—скоро в Бауманском районе возникнет еще одна, новая, бытовая комбинированная коммуна, которая коллективизирует быт 40 ребят—рабочих разных заводов Бауманского района. Из них наиболее трудное место займут электротехнический завод, инструментальный завод ГОМЗ'ы и пуговичная фабрика имени Баланирева.

Пожелаем же ребятам победить «если» и «скорого»—добиться скорее.

С этим номером журнала подписчикам «СМЕНЫ» высылается первая книжка из серии «Жгучие вопросы»:

Леонид Радищев
СТУПЕНИ

ВЫСОМОЛ

Повесть М. СМЕЖИНА

(Продолжение 1)

Рис. Г. БЕРЕНДГОФА

V

ПЛАМЕННОЕ море красной глины бьется в стены новых двухэтажных домов заводского поселка. Бетонный городок не замощен, и сосед Павла, бухгалтер Степан Егорович Катков, ежедневно изощряется в ругани по адресу «советских архитекторов», хотя в глубине души он сознает, что в разливие красной глины «архитекторы» не виноваты.

Но земля полыхает в плановом порядке: днем солнце растапливает последние снега и проливь в землю, а вечерами остающуюся воду выжимает теплые заморозки и выплывают ветры.

На одном из особенно толстых мест возле дома кто-то заболит проложил грядку из кирпичей. Еще вчера рыхленький и с некоторым брющком Катков балансировал на этом кирпичном мостике и ярко представлял себе, как бы захлебывались и тонили его ботинки, если бы не было кирпичной грядки. Но сегодня уже настало отлито и улеглось глиняное море (в стороне, на дороге, как ребра изглодавшейся за зиму земли, выросовывались колеи), что кирпичная грядка выперла наружу, и ноги Степана Егоровича поминутно соскальзывают с валков кирпичей. Поэтому он произносит злобно:

Какой тут чорт-архитектор камней наложил!

Когда приходится ступать по кирпичам, качающимся, как кочевники на сумах, бухгалтер готов проклясть даже самое необходимое — счастье. К тому же странное удущье сжимает грудь Степана Егоровича. Нечто подобное испытал он еще вчера. Шел он с работы и вдруг испугался: сыроватый тяжелый воздух лег на грудь, и не было полного дыхания. Однако, вчера ему удалось сразу забыть об этом: послеобеденный сон к вечеру свел Степана Егоровича на землю янейших звездных заморозков с прекраснейшим воздухом за домами, в степи. Ночь. Моздон. Визнтившее свидание с толстущей Леночкой, увя, еще нешоутимой, но, ура, уже близкой, — от этого вчера был он хотя и не полностью сытым, но зато вполне легким и бездумным.

Но сегодня удущье не проходит. Кончились заморозки. Или ушли они, предоставив одному ветру высасывать и донивать оставшуюся в земле влагу, — ногам сыро, гулять тяжело и всему телу Степана Егоровича неспокойно и тревожно. Если бы Степан Егорович мог выразить это состояние образным языком, он сказал бы: «Зимой земля гладкая, как контокоррентная бумага. Снежные тропинки, когда уже ованкомимы с этой бумагой асма, становятся привычными и знакомыми, как графы и линейки. Летом хуже: пыль. Но, в общем, с летом можно мириться. Похоже на временную работу в пыльном архиве. Осень коротка в этих местах. А весна... весна, как сами изволите убедиться, не-вы-но-си-ма».

Вечер...

У завкома Степан Егорович налаживается на беседушых Павла и секретаря партиячейки Бруско. Поозоровавшись с ними, он усаживается рялом на самый конец скамейки, складывает на животе руки и слушает молча их малопонятный язык полунамеков и недоговоренностей,

которыми могут разговаривать только хорошо и полностью, знающие друг друга люди.

— Понимаешь, Павел, я с жинкой всякую связь потерял, — Бруско растерянно помахивает искалеченной рукой, — я не викуе ее целыми днями, а ночами засыпаю за столом над бумагами, как старый бюрократ...

Степан Егорович настораживает и ищет пикантных подробностей. Но собеседники некоторое время смотрят вперед. Там через дорогу в неглубоких покатых берегах уже высыхает безымянная речонка, и в ней, как влоды в церкви, уныло стонут жабы, жалуются на запоздавшую весну, стывавшую столько часов любви и наслаждений. Над самой водой в ветхом строении, расшатанном ветрами и былой мощью реки, утробно надсаживается насос водокачки.

— Кстати, товарищ Бруско, о водокачке, — говорит Павел, — стоит она совершенно открытая, а там новый сильный мотор. Долго ли какому-нибудь галу-зверю его испортить? Чем мы гарантированы от вредительства?

(«Какой тут чорт — кстати», — про себя поражается Катков, — говорили о жене, и вдруг, на тебе, — водокачка Этание чудак!»)

— Да... Так вот, я и говорю, Павел, — медленно назначает секретарь, сжимая здоровой рукой смутную кисть, — все, что у меня происходит с женой...

(Степан Егорович снова настораживает и даже шепчет, мысленно обращаясь к Павлу: «Ну, молчи же. Человек делится с тобой интимными тайнами, а ты так и норовишь влезть со своей водокачкой. Слушай!»)

— ... не мешает мне думать о водокачке, соревновании, твоём «Высомоле», Павел...

(«Тьфу, дьявол-архитектор», — прокликает Степан Егорович и даже закрывает глаза.)

— ... Сам видишь, положение такое, что приходится лаваться до отказа. Вгрызавшись, как резец, в круглую работу, снимаешь нитку за ниткой, а все массой поднимут тяжелой

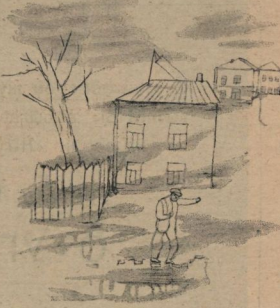
крючникуль, померят и говорят: «еще да еще снимать нужно». Вот здесь, у нас. Завол бедный, электрификация идет медленно, а задание нам повысило. Это что значит? Это значит, что нужно переключить всякую свою энергию только на это. Жена...

(Теперь Степан Егорович уверен, что услышит рассказ о том, как жена Бруско, кстати, весьма невредная штука, изменила мужу, как она сказала ему, что он, «архитектор», сам в этом виноват, как ему хотелось растерзать ее любовника, но ровности улетелась в железных рамках партийного устава. «Ага, рогагы», — взордствует Катков, — ты даже не имешь права сбить с головы поворные рога. Ты всю жизнь будешь их носить!»)

— Жена вчера на собрании сидела с этим, как, молодым парнем, что недавно к нам поступил в цех. Да как его, Шегол, Шеголев, Шеголь? Ну-да, Шегол.

(«Вот начинается!» — Катков готовится не проронить ни одного звука.)

... Он разговаривал с ней и давал пять. «Также, как ваш муж, — фантастики индустриализации. Они фотоны

Катков балансировал на этом кирпичном мостике.

1 См. «Семь» № 17 и 18.

лезть к звездам за ростками социализма, но они забывают, что на земле долго еще придется учиться в сани и пыли. А с ними мучаются нежные женщины. Я — парень прямой, скажите откровенно, много вам дает супружеская любовь вашего мужа? И так это, понимаете, руку ей жмет, в глаза заглядывает... А на мою жену, думаю, это не поддействовало! Слабую, все-таки струсил, подлец, нашел. На нее это злово-родно поддействовало...

(«Вот-вот!» — едва не вскрикивает Катков. — Только, как ты все это говоришь? Неужели сама, дуря, после рассказывала?») — ... Она ему отвечает: «вы, говорит, правы, и мне странно, что у такого молодого паренка, как вы, мысли об утешении несчастных жен занимают все внимание на собрании, где говорят о тяжелом положении нашего завода.»

(«Проклятие! — глухо кашляет Степан Егорович. — Кой чорт они заржали? Посидеть спокойно не дадут.»)

... Но Бруско и Павел разом перестают смеяться и думают об одном. Вчера директор говорил о затянувшемся изготовлении машины, задерживающей электрификацию завода. Нехватает опытных рук. Подходят правники. Много времени пропадет даром. И все это может подорвать выполнение задания по выработке стеноустройных материалов. Между тем, если бы удалось подогнать электрификацию...

Он долго и хорошо говорил о залитом электричеством заводе, о дешевых киловатт-часах, способных бевостановочно гнать станки, машины, агрегаты и вытеснять ворчливых стариков-дизелей.

И сами машины пришли на собрание, чтобы неожиданным, но меткими репликами поддержать его горькие слова.

— Нынешние динамо-машины старые и перегружены...

Едва успев проговорить это директор — во всем клубе медленно затухли лампы. Нити в них из яркосенечных превратились в темнокрасные, как-будто старухи-динамо, издерганные и истерпанные, красными слезящимися глазами взирались в говоривший о них зал.

Но вот — новое усилие где-то там, за проводами, — лампы разгорелись ярче. Оратор сказал:

Соленая вода тринадцать лет разъявляла рубашки и штаны дизелей. Старик довольно послужил...

И во всем клубе сразу погасло электричество. Пока принесли лампу, оратор, проползая говорить о залитом электричеством заводе, о тонах высокого напряжения, поднимал над головой зажженные спички. И не смех вызывали эти речи об электричестве при свете спичек, а чувствование, что нужно именно высокое напряжение, высокое напряжение и токи и сил...

Потом собрание стало бурным.

— Переводим завод на переменный ток, а пока переменяем, — на заводе простой и на поселке темнота. — Для большей убедительности оратор путал технический термин «переменный» с житейским.

— Мы не торопим. Знаем, — скоро кошки трутся, да котят слепые рождаются. Но какого чорта по двадцать раз переделаем? Из-за одной шкеи за другую перекладываем. Пока остальные трансформаторы придут, тот, что установили, спалим.

Выступал и тот, что сидит сейчас рядом на скамье, Степан Егорович Катков:

— Мы не требуем, чтобы все сделали, так сказать, по велению судьбы, хе-хе! Однако, нельзя забывать о домашнем благосостоянии трудящегося. У нас сейчас, извините, уборные не освещены. Тьма кромешная, гадость, извините, возле домов. Волею новых и красивых, заметьте, домов.

Говорили Хатюк и Дерягин. Они прямо обрушились на Павла.

— Чи бачив ко тебе дило? Як гудок прогук, зараз юнани наши — на крышу. Воскресники, субботники — все на крышу потягли. Чи не краше було-бэ электрификацию подогнати?

— Верная истина! Нужно бы Павлу молодых ребят с крыши на землю пустить! Надуемся — равом на земле, потом и на крышу легче будет подниматься.

Тогда Борне послал Павлу злорядную записку: «Прав был я. Теперь ты признаешь это?»

И Павел выступил. С горячностью и болью он признал необходимость отложить постройку «Высомола», передать все сред-

ства и силы на ускорение электрификации, а после... после видно будет...

... На скамье тихо. Степан Егорович даже вздремнул под молитвенные стоны речных жаб.

— Я двести пятьдесят рублей, что выиграл по займу, передаю на постройку «Высомола», — прерывает молчание Павел, — надо бы их теперь перечислить на электрификацию, — вздыхает он.

— Это можно, — соглашается Бруско. Павел вздрагивает и поджимает губы себе наги.

— Ты что, замерз? — удивляется его собеседник.

— Да нет. Просто похолом простылись, а еще сыро. Вообще-то не холодно, только ноги немного зябнут...

(«То дурак-то, извините за выражение, — снова полупремото думает Степан Егорович, двести с полсотней целковых отдал чорт-е кому, а без ботинок ходит. — И уж совсем не брать Каткову в толк, как Павел может говорить все это, совсем не связывая факт выигранных с фактом отсутствия ботинок.»)

— Знаешь, товарищ Бруско, — говорит Павел, — я думаю, что если б у нас хватало горячих голов и рук, можно было справиться и с электрификацией и с «Высомолом». А то как-то не по себе... Вель, сами же делали. Грамотеи из конторы не захотели помочь, кроме двух-трех товарищей...

— Это, Павел, еще полбеды, когда не хотят помочь. А то еще, бывает, вредят незаметно. Там он тебе о нехватке хлеба скажет, тут насчет низких зарплаток трепнет. И пошла сплетня. Для нас хлебные затрунания — героизм эпохи, можно сказать, а у них только брюхо урчит. Вот пройдет чистка аппарата и производства, — легче, пожалуй, станет.

(Степан Егорович чувствует на спине холодок, но храбрится: — «Чистильщики, подумай. В носках бы у себя не забыли почистить.»)

— Да, да, товарищ Бруско, — подхватывает слова секретаря Павел. — Как-то обывательщина и к нам затесалась. У кого корова есть, у кого — телена, которая для них важнее, чем производственное совещание. Ты ему про пресс, а он — «корова не доится в холодном сарае. А то прямо требует: — Дай нам чистоту, как у Форда». Вот этот Шеглов, что к жинке твоей посылался, он так прямо и загигает. Многие слушают его толк...

— Ну-к, что-ж. Примечай, Павел. Будем чистить. Будем чистить! (Степан Егорович искоса поглядывает на разуборивающую волаух искалеченную руку секретаря и думает, уже по-настоящему холодеет: «этский головагоп почистит. Опыт ему и руку перебил. Хе-хе!» Но «хе-хе» получается фальшиво.)

— Алло! Степан Егорович! Вы, кажется, заснули под нашу политику? Мы о чистке говорим. Как там на вашем цифровом фронте? Не замечали, что и кто качает?

Катков, было собравшийся уклонить, от неожиданного обращения заметно вспрыгивает и ослепает на скамейку.

— Да что уж мы! — растерянно бормочет он, — мы — люди визуальные... Некогда нам успинать, так сказать, мелкие проявления жизни, хе-хе... Кроме того, профессиональная потеря памяти. Взять ботники, — почему-то на язык просятся именно упоминутые Павлом ботники, — вещь на собственных ногах, так сказать, вполне заметная. А, верите, не могу вспомнить, какие до нынешних у меня ботники были? Нето желтые с замшей, не то с кородоховские с ушками?.. Память, по велению судьбы, — хе-хе — ослабевает...

— Секаторскую жидкость нужно принимать, — советует Павел.

— Я, молодой человек, — обижено поднимается Катков, — до сорка пятай годов бед всяких жидкостей дожил. А вам скоро лететь будет необходимо.

Но уже на ходу смгачает тон:

— Приятных, так сказать, снов, товарищи!..

(Продолжение следует)

...«Тыфу, дьявол-архитектор» — прокликает Степан Егорович и даже закрывает глаза.

Строим самолет «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
Взносы принимаются в изд-ве «Молодая Гвардия»
Москва, Центр, Новая пл., 6

17 СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО 17

Рассказ С. ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО

ЗА ВРЕМЯ работы в угрозыске (он был прикреплен к угрозыску через горсовет комсомолом) Гришка видал виды. Он сам лично арестовывал не мало бандитов, и никогда, даже в те моменты, он не чувствовал такой неожиданности, как сейчас.

В это мгновение у Гришки задрожала чувствительная губа и у него мелькнуло:

«Неужели опять всемирная мясорубка?».

Но потом он улыбнулся, внимательно еще раз перечитал бумажку, отпечатанную типографией лиловыми буквами на беловатой бумаге, и у него раздулись ноздри точно так же, как и в те времена, когда он шел «васпать дело».

Дома Гришка ничего о бумажке не сказал. Он посмотрел на часы. Было девять. И Гришка вышел на улицу.

Вечер был тихий и знойный. Деревья, застывшие вместе с неуспевающи отойти от жары воздушном, неподвижно вытянувшись по обеим сторонам дороги шпалерами, как солдаты на параде, наводили на город, зачерненный тишиной, какой-то таинственный вид. Гришка не обращал на это внимания. Он быстро прошел в парк, где фланировали влюбленные пары, повстречал своих товарищей-комсомольцев, разговаривал с ними, шутил, смеялся и по их лицам не смог, при всем желании, узнать получили ли они такой билетик, как и он, или нет.

Они только Иосиф Глеямер как-то необычно вел себя. Утром он бежал из ячейки в райком, из райкома в райпартком, но хотел ни с кем разговаривать—все искал кого-то и был, очевидно, очень занят.

— И что с Иосифкой?—спрашивал себя Гришка, никак не умев найти ответ на свой вопрос.

Когда он обратился к Иосифу с просьбой открыть свою тайну, тот многозначительно повел глазами, шмыгнув носом и, повернувшись резко на каблуках, бросился вслед проходившему начальнику военного комсомольского отряда, организованного в ответ на разрыв дипломатических отношений Англии с СССР.

— Что такое?—Гришка терзался желанием узнать Иосифку тайну.

Гришке ясно было, что у Иосифки неприятность, большая неприятность, и потому ему было очень странно, что Иосиф, его самый лучший друг, не обратился к нему, как обычно, за помощью, что Иосиф, очевидно первый раз в жизни, от него что-то скрывает.

Вечером же Иосиф был чрезвычайно весел. Раньше всех ушел домой и как-то особенно сердечно пожал Глафире Тяриную руку.

Когда Рая Светова обратила на это внимание, Гришка подумал:

— А может и у него такой билет? И... И... Может он не хотел?...

Идя домой и прелвушая длинную поездку, Гришка рассуждал:

— Ведь, это все конспиративно. Значит никто... Ясно... Значит никто и не показывал виду...

Дома, перел сном, он предупредил мать, что завтра утром уезжает в город по делам. Мать, конечно, удивилась, но ничего не сказала.

Уже лежа в кровати Гришка не вытерпел, снова потянулся к бумажке, тщательно спрятанной в кармане его брюк, и начал медленно ее читать.

В правом углу были подчеркнуты жиренкой красной линией два слова «Совершенно секретно».

А дальше обращение:

«Комсомольцы! Все как один на защиту социалистического отечества». А затем уже текст:

«Мобилизационный талон № 1307.

Тов. Мячиков,

РК ЛКСМУ приказывает тебе явиться точно к пяти часам утра первого августа к театру Шевченко для отправки со станции Тритузуй в город Днепропетровск, где будет сформирован комсомольский полк. С собой захватить комсомольский билет и один рубль денег.

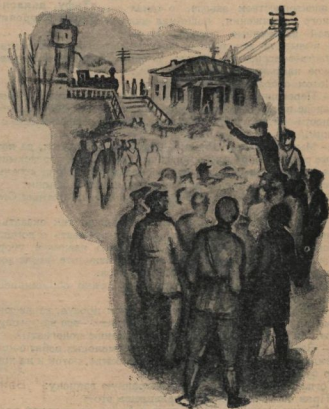
Домашним и товарищам о мобилизации говорить строго воспрещается.

Секретарь райкома».

Внизу было мелкими буквами отмечено, что «билет отпечатан в секретном порядке».

— Война войне,—вот какой лозунг был у Союза Советов.

А тут—на тебе: тайная мобилизация!
Это Гришку еще раз удивило, но полный решимости бороться за Союз до победы,—он уснул.

На станции.

... Утро было веселое и солнечное. Солнце расплавленным медным плащом позолотило верхушку церкви и начало забираться по голубой бумаге неба вверх.

Было пять часов утра, говорливого и сочного, как неуспешная просящая от росы трава.

Гришка Мачинок был первым на сборном пункте.

Понемногу стекалась комсомолья. Иосифа не было. И Гришке поэтому становилось как-то скучно.

— Нет! Не может быть... — У Гришки путались разные нехорошие мысли, он их прогонял, а они упорно возвращались, наполняя сердце и голову ношей, как больной зуб, болело.

— Значит, у Иоськи был билет, — думал Гришка, — и Иоська испугался. Да. Иначе он бы не бегал в райком и ячейку. Эх, Иоська Трусов... Выприсился... Отприсился сволочь...

И Гришке было стыдно за друга. И Гришке его было жаль. И Гришка досадовал, что он сам поедет без Иоськи на такое серьезное дело.

— На какое?

Этого Гришка не знал. Да и ребята не знали.

Говорили только:

— На Китай.

— Говорят на хунжуов.

— Треня!

Говорили, терялись в догадках, строили планы. Но никто не знал в чем дело.

В назначенный час около двух тысяч комсомольцев были в сборе.

— Даже Шевченко пришел, — удивлялись ребята.

— Шевченко работал ночь, нужно было выспаться, но он пришел, — восхищалась Раиса Светова и без того влюбленная в него.

Все же двух не было.

— Десятирь!

— Это лучше чистки. Сразу видно, кто газ пускает, зашлаковали...

После проверки выступили. Шли колоннами с песней по широкому шоссе.

И от песни у Гришки шаг становился четче и уверенней. И казалось Гришке, что даже златокудрые поля волнуются не от ветра, а от тех величия и мощи, с которыми его отряд врывается в них. Смотрел Гришка по сторонам, смотрел на деревья, хатки, скотину, стайки, — и казалось ему, что все они, — эти вещи, животные, птицы, насекомые, — что все они понимают, куда он идет, и что из-за этого они с таким уважением провожают его.

Потом был отдан приказ:

— Прекратить песни! — и...

И шли молча сперва. Потом стало скучно молчать, Гришка попробовал сострить что-то.

Пожсочил начальник отряда:

— Прекрати разговоры...

Снова шли молча, и Гришка досадовал:

— Порядки! Разговаривать нельзя. Петь нельзя. Плакать прикажете? А если я не плакать, и смеяться хочу? Чорт собачий, а не командир, скуку только нагоняет.

На станции, куда пришел отряд, было тихо, как и всегда на всех маленьких станциях. Но Гришке показывалась эта тишина таинственной. Тишина укрепляла веру в секретность и серьезность похода.

Когда секретарь райкома произнес речь, принимая комсомольцев борющихся до последней капли крови, — у Гришки дрожь прошла по телу: ему стало как-то очень хорошо и немножко страшно:

— Смогу ли? Да, смогу. Я такие дела сделаю...

У Гришки горели глаза, шевелились ноздри...

...Бот Гришка на фронте. Узкой ночью, полком, на живое. Гришка пробирался в китайский лагерь. Вот он подкрадывается и штабу, а в штабе — русские белогвардейцы. Гришка бросает бомбу...

— По-о порядку номеров считай-ись!

Гришку толкают под бок.

— Фу, ты, чорт, — отравляется от мыслей Гришка.

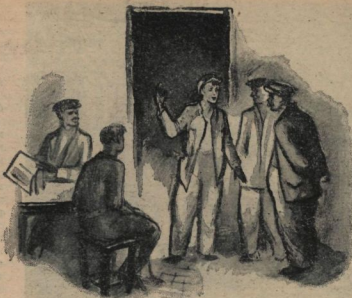
Наконец, Гришка в вагоне. У него-то оказалась гармонь. Раиса и Митька танцуют «Соловьи». Ребята подпевают, а Гришке жаль, что он не попрощался с Дусей, со своей хорошей мятельволодой Дуськой.

Калько становится Дусю. Но потом Гришка вспоминает, что это все совершенно секретно! и решает:

— Приведу к вам своим орденам... Нет, даже о двума: эффективной встреча будет.

Потом он покосился:

— А может с треня? Я, ведь, сыщик. На разведках отличусь.

— Если чуть что, то мы подогнем. Не дрефьте!

И представив на своей груди, расписанной звездами блестящих орденов, голову русой Дуси, он гордо окинул всех взглядом и пустился с особым чувством лихо, как никогда, выбивать четкую.

3

На базаре кто-то сказал, что комсомольцев повели на фронт. Эти слова расплывались по базару, закрывались в головы тихих хозяйшек и последние начали было полумывать о запахах провинции. Потом увидя, что торговки звинчивают цены, решили, что это зря.

А комсомольцы? Они сидели в вагонах и нервничали:

— Почему не пускают погав?

Но командир швелона специально мэдлил. Нужно было выяснить крепость верхов молодняка.

— Надо непременно стараться сесть скуку и уныние. Если ребята выдержат, если не будут чересчур роптать, значит, они дисциплинированы, значит, они не перетрусят, значит это бойш.

— Но не довольно ли? — пытался защитить их молодой политрук.

— О, нет, и т! У меня еще целый ряд испытаний для них. И действительно, испытаний было немало впереди.

В вагонах принесли бумагу и карандаши.

— Пишите родным письма. Может, вы их не увидите уже.

И на этот жуткий приказ последовал логический комсомольский нерастерянный вопрос:

— А кто доставит письма?

И ответом было:

— Пионеры — связисты наши.

4

Вечером весь город знал о комсомольской мобилизации. В парке играл оркестр, по обыкновенно фланировали влюбленные пары и вездю можно было увидеть наших доблестных воинов. Они гордо похаживали среди публики.

Гришка Мачинок с десяти часов вечера вышел на ночную работу в дежурную монтеров. Его окружили старики. Сперва он рассказывал о подробностях пробной мобилизации. Потом старики рассказывали о настоящей войне и заверяли Гришку:

— Если чуть что, то мы подогнем, не дрефьте!

Потом заговорили о Иосифе Глезмере.

В дежурке было светло и жарко. Монтеры, сгрудившиеся вокруг Гришки, не могли не заметить морщинку боли, искривившую его губы.

Старый дежурный, отклебив прямо из ведра, пару глотков холодного морса, успокоил Гришу:

— О, Иоська, браток, поехал на Дальний.

— Как? Куда?

— На Дальний. Разоволил на район. Вот читай заявление, которое он в нашу газету дунул.

«...И ввиду того, что райком нас не мобилизовал, мотивируя это тем, что мы тшкку девятсот девяностого года рождения — я, от имени группы комсомольцев в количестве 156 человек, объявляю, что мы сами себя мобилизуем и поеду в случае войны с Китаем полять нас на фронт в количестве связистов, разведчиков, полносочков патронаж; и вообще мы можем стрелять не хуже, может, старших.»

Взвешивая отфрейд По поручению группы ИОС. Ф. ГЛЕЗМЕР...

СКВОЗЬ ЗАПРЕТНУЮ ЩЕЛЬ

Очерк ВАЛ. СУХАНОЗА

Фото В. УСОВА

В приемной комнате. «Эх, хоть бы приняли!..»

НА СТОЛЕ у председателя призывной комиссии одного из бесчисленных воинских участков Москвы лежала толстая грудa прямоугольных картонных листов. Они были испещрены какими-то записями, пометками, значками. Молодой председатель вытаскил из этой груды одну из анкет.

— Так вы говорите, товарищ, что вот к этому вы не имеете и не имели никакого отношения?

Стоявший напротив, подле стола, довольно неуверенно посмотрел в сторону спрашивающего.

— Да-аа, то есть, не совсем да...

— Что это значит — не совсем «да»? — изумленно спросил его председатель.

Ну да, вот понимаете, не хотел иметь с ними никаких отношений, но так, знаете, все не вышло!

Садиков, числящийся рабочим Белорусско-Балтийской ж. д., подал председателю новый документ:

— На-те, вот посмотрите, если не верите...

Военный улыбнулся. Он снова внимательно посмотрел на призываемого.

— А это, действительно, верно?
— Клянусь, вот, ей-богу!..

В садиковском документе, подписанном домоуправлением, подписками и печатями удостоверилось, что действительно гр. Садиков ведет трудовой образ жизни, работает на советской службе и является трудовым элементом.

— А вот у нас есть о вас совершенно иные сведения, — все так же спокойно и невозмутимо продолжал председатель. — Если хотите, то можете убедиться сами!.. — Пожалуй!..

Призывник был пойман. В небольшой бу-мажонке, напарланной корявым почерком секретаря волостной ячейки, прямо и откровенно говорилось, что у гр. Садикова, работающего в Москве и даже имеющего комсомольский билет, в такой-то волости проживают родные из духовного звания, с которыми он, Садиков, и по сей час поддерживает оживленную переписку, иногда приезжает к ним и вообще имеет непосредственную и живую связь.

И даже больше того. Отец Садикова сейчас священствует, в свое время в Москве имел четыре дома. И, может быть, в часы свиданий со своим дорогим сыном он неоднократно ступит и на власть, и на те порядки, которые установлены на земле грешными большими величиями, получившими власть, «аше не от бога».

Сын же его всечески старается показать полную свою отчужденность от своего «грешного» отца. Ему, ведь, необходимо пройти, пролезть в Красную армию, чтобы окончательно раз и навсегда укрепить свое трудовое положение и избавиться от каких бы то ни было подозрений.

Но здесь Садиков и ему подобные наткнутся на большевистское злое

«но». На помощь работникам призывных комиссий приходится различные организации, которые помогают раскрыть истинное лицо подобных «комсомольцев», жаждущих и страждущих послушать в Красной армии «на пользу социалистического отечества».

Однако, вернемся к раскаву. Садиков опешил, в первую секунду он не знал, что отвечать.

— Ну да, товарищ председатель, я видите ли не хотел, но вот все как-то получалось. Только поверьте, все это не по своей воле.

— Так по чьей же?

— Отец велел. Ты, говорит, в комсомол поступи, на фабрику, рабочим стань, в армию пойдешь, все дела по их велению, а потом посмотри. Вот я так и делал.

— Ну и что-ж не вышло, сорвалось? — уже немного повис тон, прерывает его председатель... — Да не вышло! Так что-ж делать? «Допрос» и прекращая закончен. В результате Садиков попадает в разряд тыловых ополченцев, в разряд негодных, в разряд так называемый «швиной команды», как в шутку прозвали новобранцы эту категорию людей.

Сейчас по всему Советскому Союзу происходит призыв в Красную армию. Лица, родившиеся в 1907 г., пополняют ряды наших советских боевых единиц. Армия пополняется новыми бойцами, новыми свежими прелатарскими силами. И наряду о этом в армию, как мы уже сказали выше, пытаются проникнуть элементы, желающие нажить на службе в качестве красноармейца хорошей политической капиталел.

На призывную комиссию явился тип. Призывная анкета, картонка у него в порядке. Воздвиженский Павел Сергеевич — рабочий, член союза текстильщиков, работает на трикотажной чулочной фабрике Ногина в Москве. И даже, не шутите, Воздвиженский — комсомолец, член административно-правовой секции Красно-Пресненского совета. Трудовой формуляр как будто бы весь в порядке.

Что же оказывается на самом деле? Все тот же председатель призывной комиссии тов. Ча-

стый раскопал и дознался про Воздвиженского совершенно иное. Воздвиженский и еще с 27 мая этого года исключен из комсомола «за шкурничество и дискредитирование комсомола». Так сказано в официальном постановлении районной контрольно-конфликтной комиссии Красно-Пресненского района ВЛКСМ.

А вырылите биографию этого «бравого новобранца» поглубже. Сей молодец имел один привод и две суди-

ты.

и

и

и

и

Лицо и «призывной паспорт» «рреволюционера Воздвиженского».

Ф. И. О. Воздвиженский Павел Сергеевич

Дата (год) 1907

ПРИЗЫВНАЯ КАРТА

В. ВОЗРАСТ И ПОЛНОЛЕТИЕ	ПРИЗЫВ			В. Д. №
	ВРАЧ	ТЕХ.	УЧЕБ.	
<u>18 лет</u>	<u>Е</u>	<u>1928</u>		
<u>18 лет</u>	<u>Е</u>	<u>1928</u>		
<u>18 лет</u>	<u>Е</u>	<u>1928</u>		
<u>18 лет</u>	<u>Е</u>	<u>1928</u>		

мости за кражу, буйство и разбой. Воздвиженский уволен с фабрики за хулиганство. Воздвиженский, проходя допризывную подготовку, проявил себя как самый недисциплинированный солдат, засыпая на посту, стреляя в пьяном виде в окошко и проделывая подобные фортели.

И этот «герой» желает попасть в Красную армию.

— Для чего тебе это нужно?—спрашивает его тов. Частный.

— Как же?—довольно ничинчо и нагло заявляет он,—красноармейцам, ведь, почете обеспечен. А так без работы слоняться, только всякое уважение терять...

И Воздвиженский, ничтоже сумяшесся, начинает убеждать членов комиссии в своей пригодности к военной службе, пытается доказать свою правоту.

— Нет, голубчик, больше не проवेशь. Один раз поверили, хватит... В самом деле, Воздвиженский уже один раз был принят в армию и даже зачислен в полковую школу. Но вот случайно милиционер, дежуривший у входа в приемную комнату, узнал в этом человеке ворюшку и хулигана. Передал тов. Частному. Из комиссии—запрос. И в результате истинное лицо, его преступная подноготная раскрыта. Воздвиженский разоблачен, Воздвиженский отставлен от Красной армии и зачислен в тыловое ополчение. И теперь уже никакие уговоры, никакие ловоды ему не помогут.

Вот маленькая выдержка из списка так называемых кандидатов в тыловые ополченцы.

В скобках надо заметить, что большинство подобных людей проходит под маркой рабочих, служащих, трудящихся. М и л ь н е р П. Е.—сын крупного торговца, высланного административным порядком в Соловки. Полагает заявление о желании вступить в Красную армию. А отцу в письме пишет совсем обратное:

«Дорогой папа! Скоро призыв, хочу пролезть в армию, хотя ненавижу ее всеми своими кишками. Но, ведь, ты сам понимаешь, что пойти на это дело надо, иначе нам с тобой окончательный каюк».

М а к е е в П. Е.—совладелец торгового предприятия—тоже стремится попасть на военную службу. З а л е с к и й П. И.—его родня имела четыре дома в Москве, П и в о в а р о в, Г о л ы ш е в и ряд других—сыновья торговцев, лишешцев, отпущенцев.

Эти налетают со всех сторон, враг пытается пройти и пролезть всюду и везде, куда только можно. От него приходится по-настоящему, по-деловому отбиваться.

Как-то давно, лет около десяти тому назад, пишущему эти строки пришлось принимать участие в ожесточенных боях под Ленинградом. Наша армия, охранявшая подступы к этому городу в районе, соприкасающемся с теперешней эстонской границей около Ямбурга, спешно, под напором отрядов Юденича, отступила со своих позиций.

Приходилось быстро, чуть ли не на ходу эвакуировать город, полковое имущество, военное снаряжение. Эта эвакуация была поручена одному из работников штаба полка некоему Гаврилову. Гаврилов, хотя и был беспартийным, но пользовался огромным доверием

со стороны командира, комиссара и полковых партийных организаций. Одно время, когда шли бесперывные бои, Гаврилов исполнял даже должность секретаря партколлектива.

Гаврилов, действительно, работал отлично, во время продолжительной стоянки обучал солдат грамоте, проводил с ними беседы и неоднократно высказывал желание вступить в партию. Все говорило за то, что Гаврилов может справиться с порученной ему задачей—эвакуировать необходимое имущество.

... В город входили белые. Наши отступающие части обстреливались сильнейшим артиллерийским огнем. Ну, конечно, было во-время уйти на Ямбурга. А в этот момент Гаврилов почему-то начал мешкать в помещении полкового клуба и коллектива.

— Гаврилов, ты что здесь канителиться?—спросил я его, вполыхав бегом в помещение.

— Да так, не все книги еще собрал,—преспokoиво отвечал он.

Меня сразу поразило его необычный тон.

Первая напряженность обстановки, настойчивость моего тона, буханье снаряжения почти под самыми носом—все это за-

ставило Гаврилова поспешить, во-время нагнать необходимые вещи на повозку. Важнейшие документы полка были спасены.

Но что же стало с Гавриловым?

Неподалеку от Петрограда, около Красного Села, Гаврилову предложили принять командование своим батальоном. Он согласился. Повел людей на позицию. Расположились у опушки леса и стали выжидать противника.

Темнело. И вдруг где-то неподалеку послышался шорох.

— Белые!—прошепел по цепи.

Начал накрывать дождь. Погода становилась промгвлее. И без того нервное состояние становилось еще более напряженным и нервным. И вот совершенно неожиданно для себя я заметил, как несколько человек на правом фланге во главе с Гавриловым начали отступать от нас и отходить в сторону белых.

Так кончился для нас Гаврилов. И, как оказалось впоследствии, Гаврилов был сыном

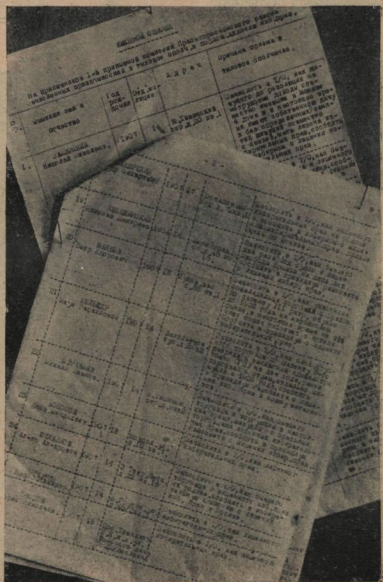

Кандидат во «вшивую команду» в тыловые ополченцы—убеждает, доназывает...

крупнейшего виноградаря в Ростове, проник в Красную армию, втерся и нам в доверие и в результате предал.

Этот эпизод пришел мне на память в связи с теперешним призывом, в связи с теперешней политикой классов в р. в. р. г. а.

Политика проникновения сквозь запретную линию. Но этой политике мы противопоставляем свою—политику открытой борьбы, политику вскрытия дверей в наши организации для всей этой ненужной, малкой и гадкой слези...

Такие списки не любит новая буржуазия...

ПИСЬМО О ЛЮБВИ

СТИХ. ВЛАД. СОЛОВЬЕВА

Я любил Наташу, Марию, Люсю,
Я любил еще не одну
Любовью короткой, как резолюция
В семнадцатом году.

И пока любовь
отгорала в истоме
Ее размещивали поплам
С дружкой длинною,
как история,
Которую начал Адам.

И вот ты вошла,
и мерки—на смарку.
И вот сообщить тороплюсь весьма,
Что живу я
приклеенный вместе с маркой
В правом углу
моего письма.

Было.
К собраниям от диспутов мчась,
Раз в неделю, не более,
Я жил отрываю на час
Тем, что у нас называют любовью.

Я в книгах читал,
как любил графья,
Я много читал про такое,
Но любовь мне казалась
простой, как графа
Комсомольского протокола.

Где-то в райкоме,
как личное дело,
Схвачены днями суровыми
Лежали мысли мои
и тело
Прощиты и пронумерованы.

И вдруг ты ворвалась,
и ум и душа
Все это к чертовой матери!
Нелено!

Нелено, как если б вошла
Ахматова в хрестоматию.

Ты поминишь недавнее:
и стол, абажур,
За абажуром рука и плечи.
Ты знаешь, что я обхожу
Это всего легче.

Но дальше...
Дальше ни шагу нельзя,
Здесь граница твоя, и стол, абажур,
и коричневые
Стоят у границы ресниц—глаза
Чуткие как пограничники.

Скучнейший
нелепейший разговор
И ты начинаешь:

— Вы помните...
И стою я чистейший,
чистиз как вор,

Когда он в собственной комнате.
Ты скажешь слово,
и слово, как выстрел.
Убегай его, сторонись,
Нет. Невозможно контрабандистом
Бродить у таких границ.

Вчера мне заметить решились—вправе—
Что стал я рассеян.

И сердце скрепя,
На столе изорвал я
твою фотографию.
Но теперь я всюду—вижу тебя.

Скоро зима,
начинаются заморозки.
А встреча, как-будто, и не видна...
Или кровь твоя

у тебя в Архангельске
Течет как Северная Двина?

Я долго бы хотел прожить,
Чтобы видеть, как лапами робкими
По Архангельску будут ступать моржи
И Архангельск тайно под тропиками.

Что география?
Наука рабов.
Ограниченность мира и графики.
Будет день

И будет любовь
Закройщиком географии.

Рис. Кукурынкин

— Что это за странный псаломщик такой?

— Да это не псаломщик, это—рабфаковец; заниматься ему негде, вот он и пришел в церковь.

ШТИЛЬ

Очерк Ю. МИЛИШЕВСКОГО

ДАНЕКО-алено, без конца и края раскинулось, расплалась в прозрачно-бирюзовой, дышащей споконстанем кисее морской синь...

Небо и море. Море и небо... Бурляя сверху, глубокая синь спину и ядро палитры где-то высоко-высоко отгнивал шар...

И не иначе, где глывает этот гигантский белый лебедь, по морю или по небу—такая тишь, такая гладь...

Плывать на морском лебедь—красивое, учебное парусное «Товарище»—не так легко. Здесь не гулит в трюме машина, здесь все и вся принадлежит ветру и людям. Ветер—барометр настроенной лодки, спящих на лебедь, ветер их лучший друг, их смелый спутник в трудных переходах.

Морской белый лебедь принадлежит молодежи.

157 молодых мориков из морских техникумов Одессы, далекого затерявшегося на севере Архангельска, сурового Ленинграда и пропитанного нефтью Баку—вот команда красавца-суина.

Когда идешь по морю и утопаешь в бирюзе неба и моря, когда встречаешь одинокого прохожего в этой голубой пустыне—бурно торжествуешь, смеешься от прохожего мимо трещащих машинными нутрина-парохода.

Так красив «Товарище». Ветреный корабль, по морскому обычаю, сторонится, гудит приветливым густым басом, лускает в эфир через свою радиостанцию красивые бордирные слова:

— Привет молодым морикам! Привет товарищам с «Товарища»!

И сквозит по тихим водам Черноморья «Товарище» ясен в себе молодую бодрость, морскую адекватность для обвешанных, бронзовых, мускулистых людей...

Поговорите с товарищами с «Товарища». Они расскажут вам многое.

Ветер! Ты рождешь бодрость, ты заставляешь туго надуваться бесконечные паруса, ты дингашь вперед, ты—барометр настроенной лодки...

А вдруг тебя не будет? Вдруг ты, пролетев мимо, забьешься в тихий уголок, спрячешься? Что тогда делать белому лебедю, как ему двигаться вперед?

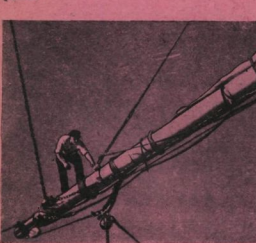
Мы прекрасно знаем о морских штормах, бурях, о борьбе человека с этими штормами. Многие из нас испытали все предель шторма, другие читали о нем. А вот штиль... Штилем ли мы дышим? Знаем ли мы, что дингашь вальды для «Товарища», которого дингашь вперед только ветер?

А штиль был. Было море, небо, солнце и больше ничего. Болтался в море морской лебедь, нылвал от жары, топтался на месте, исал, как машины небесной, свенего ветра. А ветер, спрятавшись куда-то в угол, смеялся над бессмысленным лебедем, наделал над его бесчинств.

Ветер не приходил...

...

Но судно принадлежит молодежи. На лебедь четыре упрямоуражены в бирюзу неба мачты, сдвоенных тросами вантов, веревочных лесниц. На лебедь полторы сотни молодых мориков. На лебедь—молодая бодрость.

«Отрывали куки». Высоко в синеве неба делали головокружительные тросы.

И в дни штиля, когда болтался обесчинный лебедь в море, кто-то по-комсомольски твердо сказал:

— Даешь, соцсоревнование...

— Кто-то подхватил, кто-то начал работать.

— Мачты сорешнуют...

— На кандовой мачте—одна вахта. И когда раздался в равней морской тиши гудок начальница:

— Все наверх. Повахтено, к мачтам!

Как муравьи полезли из кубрика к мачтам...

— Кто скорее установит и уберет паруса? Чья мачта будет вперед?

Штурманьясь лесницами, канатами, реями, Горел трудной азарт. Вверх; в голубом небе на верхушках высоких мачт, лепились люди, работали «отрывали куки»—делали ловкие головокружители з а и ы е тросы. Обивал корабль, натягивались паруса...

... И снова вало вали паруса в воздухе. Снова наделались занехиши в углу ветер.

Бурный «шарвал» проходил—наступала яснота, тоскливая тишина штиля.

Шли штильные дни. Заполнялись вышамов журналы «Вестни социального современного товарища».

С мачт оно перебрывалось вниз и кубрика.

— За чистую койку.

— За лучший кубрик.

— Против мачты.

Мат скрывает присутствие пяти девушек, ирание с парнями выполняющих любую работу на судне. Они, находясь в общем кубрике, равные товарищи одного плавучего острова «Товарище».

...

Ягло солнце. Болтался «Товарище». Топтался на месте.

— Ветер, где ты? Отзовись!

А он не шел. Идаль день—нет ветра, другой, третий, четвертый—нет. Пошунит, дунет, вышунит людей, даст сотни тем для радугоров и снова затихнет...

В умывальниках вместо пресной воды появились солонина. Перешли на «горничные завтраки»—чай и хлеб. Обес—запаровым по всех вилдах и под разными соусами...

— Макароны сдидеи, макароны рывале... Истощались запасы. Красота штиля становилась невыносимым.

Люди ошнвали только ночью, на вахте. Получал небо, звезды, сигнальные огни. Старый боцман Адамочя рассказывал о переходах, о штормах...

...

Ветер! Ветер!... Ночная вахта принесла его. И передовая вахта другим, молодые морики с фасонном занятием.

— Передаем вам ветер. Берете его!

Вахта берега ветер. Надувались паруса, ошнвал белый лебедь.

... Вали мелькнул огнем. Яркий, хороний... Передовая, другую вахту, морики говорили: — Передаем вам одесский маж! Берете...

...

Одесса

— Повохтено, к мачтам!

НА САМОЛЕТ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

ПОСТУПИЛИ ВЗНОСЫ ОТ СЛЕДУЮЩИХ ТОВАРИЩЕЙ:

- Федосеев В. П.—1 р.; Платов И. Г.—47 к.; Тоше—47 к.; Тоше—17 к.; Рагин И. М.—2 р. 25 к.; Казьмин Н. Я.—27 р.; Хоминков А. В.—47 к.; Тоше—78 к.; Могучий—4 р. 20 к.; Рубинштейн Л. Е.—3 р. 50 к.; Малкин И. П.—2 р.; Погодин Н. Ф.—1 р. 50 к.; Аслабенин С. М.—1 р. 20 к.; Ольховский Д. С.—47 к.; Цубин А. Г.—3 р. 60 к.; Репин А. Л.—3 р. 60 к.; Генин Г. Л.—1 р. 25 к.; Гурьев П. А.—2 р. 25 к.; Благошеинский А.—2 р. 01 к.; Попоников П. И.—6 р. 25 к.; Демкин А. И.—3 р. 60 к.; Бехов П. С.—2 р.; Борохович А. и Эйхенгольц Е.—6 р.; Булатов Н. П.—1 р. 20 к.; Шагинин М.—6 р.; Тонел—4 р.; Хоминков А. В.—75 к.; Петров, И.—2 р. 18 к.; Ларин Ю. Ал.—3 р. 75 к.; Теулина Э. Перс.—6 р. 04 к.; Коженинов А. В.—6 р. 26 к.; Зверев А. П.—2 р. 50 к.; Ворышев Г. Т.—6 р.; Солцев, П. А.—1 р. 20 к.; Белов К.—50 к.

37639

«ДАЙ ПЯТЬ!»

Новая постановка в Московском ТРАМЕ

Репетиция первого акта «А без денег жизнь плохая — не годится никуда».

Московский центральный трам в самом начале летнего сезона позвал премьер своей первой постановки «Словом фабрика». Этим спектаклем, сделанным на актуальную и неразработанную еще в театре тему об антисемитизме, трам подал заявку на то, чтобы занять свое настоящее место — реального помощника и соратника комсомола в его повседневной работе.

Московский центральный трам уже этим спектаклем доказал, что он не пошел по проторенной дорожке драматургов и «студий», что он не замкнул в кругу формальных исканий, что для него учеба — это сама работа и вся работа — учеба.

Первое слово, которое услышала рабочая молодежь от своего театра, была горниная агитка против антисемитизма. Этот спектакль, встретивший очень теплый прием у массового молодежьего зрителя, окончательно запретил за Московским центральным трамом право считаться не кружком, не передвижной театральной группой, но тем, чем он действительно должен стать — театральным, комсомольским театром.

Так рождаются сами трамочки сами. И такая установка неизбежно предопределяет и дальнейшее направление работы трамочки: ближайшей же его постановкой будет вещь, посвященная социалистическому соревнованию и агитации за осуществление пятилетия и деревне.

Основная линия этой вещи, сейчас условно названной «Дай пять!», идет на встречу нормового вопроса о том, готовы ли люди к выполнению задач, стоящих перед страной в период реконструкции.

Спектакль не поучать зрителя, не рассказывать ему в сочной раскрасочку про несостоятельного Ивана и сошедшего Степана, но диалогически держать тему для своего зрителя, показать ему в настоящем разрезе смысл происходящих событий и предоставить ему самому сделать из них соответствующие выводы.

Центральной вопрое о подготовленности людей — искренних исполнителей пятилетия, — здесь образуются наиболее яркие мужские влипания, проносящие в

спреду молодежи. Она стремится показать в настоящем освещении тип называемый потребительский подход и провозвестит, тигу и мелкобуржуазному уюту и «рисоте жизни», стремясь не то что бы то им стало сражать эвентные угодности, словом, все то, что передо и до сих пор еще находят себе место в среде рабочей молодежи, и собственничеству, страстину, лгитацию мечту мозгового рабочего, недавно полюбившего деревню и пришедшего на производство: подлинность, дефицит, брест, город, общность, собственным «материальным» хозяйством, собственным трактором и т. д.

Разоблачая настоящую сущность, подобных настроений, проносящих в гущу еще недостаточно классово-аналитичной молодежи, спектакль, таким образом, направляет все усилия на борьбу с явлениями, тормозящими успешное проведение пятилетия.

Борьба за нового человека и пропаганда пятилетия красной нитью проводится через весь спектакль, призывающий и новой, подлинно-коллективной жизни, насыщенной радостью борьбы и преодолениями трудностей.

Первый просмотр пьесы «Дай пять!» для комсомольского актива состоялся уже в начале октября. Если траму удастся справиться

Слева направо: автор пьесы «Дай пять!» — И. РОСТИСЛАВСКИЙ, лаборант — В. СОЛОВЬЕВ, организатор спектакля — П. СОКОЛОВ, лаборант — ПОЛЯКОВ.

Сцена из напылья «На душе так пусто». Играют АЛ. ПОЛЯКОВ (16-я тип.) и КОНОНОВА (зав. «Ир. Богатырь»).

с охваченной его спектаклем темой, если он выполнит поставленные перед ним задачи — то новая его постановка послужит действительно в немалом смысле художественной пропаганды за пятилетку.

Гр. РЕМНЁВ

СПИСОК КНИГ ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ

- Блаженков И., Искренни в борьбе за социалистическое производство деревни, стр. 49, п. 10 и Гиз, 1929.
- Шестель А. И., Тепловое и сельское хозяйство на заводе, Гиз, 1929, п. 25.
- Андреев И. Ф., Третий аэроз индустриализации, «Прибой», 1929, стр. 63, п. 13 и 14.
- Мавлютов В., Коммунисты и новый революционный подъем, Гиз, 1929, стр. 74, п. 19 и.
- Зубченко В. И., Нефть в пятилетие, Гиз, 1929, стр. 55, п. 10 и.
- Киреев Д. А. П. Мехов, Гиз, 1929, стр. 119, п. 20 и.
- Вагин Вал., Комсомольские дневни в борьбе за новый быт, «Прибой», 1929, стр. 85, п. 20 и.
- Аникет А., Культурное строительство в пятилетие, Гиз, 1929, стр. 96, п. 15 и.
- Евдокимов А., Комсомола в осеннем походе за Уралом, «Прибой», 1929, стр. 61, п. 15 и.
- Гринько Г., Народное хозяйство в пятилетие, Гиз, 1929, стр. 93, п. 15 и.
- Властоцкий Г., Наши финансы в пятилетие, Гиз, 1929, стр. 56, п. 10 и.
- Тягачев М. И., Девятипроцентная в пятилетие, 1929, стр. 62, п. 19 и.
- Леклер Жан, Франция в антикоммунистическом блоке, Гиз, 1929, стр. 82, п. 35 и.